

ПЛОХИЕ ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Мне не кажется, что мы переросли героев Чехова. Наоборот, если говорить о «Трех сестрах», у нас сегодня размножились преимущественно наташи. А ирины, ольги, маши, способные к активной работе души, способные отчаиваться, раскаиваться, исповедоваться друг перед другом, – их почти не осталось. Меня очень беспокоит такая «опопсовелость» нашей жизни, которая приводит молодежь к полному обезличиванию. Смотришь, идут девчонки, красивые, но абсолютно одинаковые, как будто клонированные. И вдруг появляется одна, которая не в стае, чуть сзади или чуть впереди, она вне моды, может быть, в ней даже есть какой-то идиотизм, но свой собственный. И я уже за ней наблюдаю. Она мне интересна...

Для меня Чехов – это святое, но святое в смысле – настоящее. Я по несколько раз ставила «Вишневый сад» и «Три сестры» и ни разу не повторила предыдущий спектакль, потому что менялась жизнь за окном и от этого менялся мой взгляд на пьесу, менялось ощущение тех, с кем я работала. Я читаю его как сегодняшнего автора. Он дает мне для этого массу поводов. У него нет пустоты, за которую не знаешь, каким крючком зацепиться.

Феномен Чехова состоит в том, что он выстраивает очень подробную и очень точную

кардиограмму человеческих чувств. Никто, как он, не владеет драматургией состояния. Другое дело, что он не все произносит вслух, оставляет воздух, и это позволяет мне прочесть его одними глазами, англичанину – другими, японцу – третьими. Недаром Чехов единственный русский автор, которого присвоил себе весь мир.

Я отношусь к Чехову без дистанции. Дистанция – это то, чем разного рода «веды» отвадили от него несколько поколений молодежи. Само имя произносилось с обязательным придыханием. А он – нормальный, бездистанционный. И потому его героев жалко, как бывает жалко каждого из нас, а иногда мы готовы их разорвать, как готовы разорвать друг друга.

Никогда не забуду: я впервые ставила «Три сестры». Пришли на читку Марина Неелова, Марина Хазова, в общем, весь тогдашний первый состав. Современные женщины, в джинсах, абсолютно естественно разговаривают о каких-то своих делах, звучит нормальная человеческая речь. Я говорю: «Так, ну все, давайте, начинаем читать». И они, практически без перехода: «Иван Романыч!.. Милый Иван Романыч!..». Аж с подвываниями. Это поразительно, ведь они не видели главных образцов дистанционного театра, даже я их почти не застала. Но это записано в генетической памяти: раз Чехов, значит, такой псевдоинтеллигентный тон, псевдоэстра-

Галина ВОЛЧЕК,
художественный
руководитель
театра
«Современник»

дание, нытье. Мой сын, когда я его приговаривала прочитать «Три сестры», говорил: ни за что, мне это скучно, не хочу, не буду. Но посмотрел наш спектакль и сказал: да нет, вроде все нормально...

Потом возникло обратное поветрие – затапывать Чехова. Режиссер и театр наверху, а Чехов где-то там внизу. Была мода – обдевать всех героев, вывести на афише «3 сестры», цифрой. И то, и другое – и ненормальный пиетет перед Чеховым, и вытирание об него ног, мне одинаково неприятны.

У Чехова нет хороших людей. И нет плохих. У него все плохие тире хорошие и хорошие тире плохие. Как мы. И я его за это обожаю. Раневская хочет продать вишневый сад, только знает, что это произнести стыдно. И Гаев хочет. И они оба ждут, кто первый согласится зажмурить глаза и спастись... И Ирина Прозорова, уж конечно, не прекраснотушная миленькая девочка. Она бунтует против жизни вокруг, против самой себя, она готова сестре голову подушкой разбить...

Помню, Чулпан Хаматова спросила у меня на репетиции: «Почему три сестры не едут в Москву? Что им мешает? Купили бы билеты и поехали...». Чулпан – не тот человек, который нуждается в примитивных объяснениях. Это колоренский, возрастной вопрос, возникающий из чувства протеста, из неприятия шаблонов. Любой пафос не может сподвигнуть молодых ни на что, кроме раздражения. Потому Чулпан и задавала провокационные вопросы, ожидая, что я как режиссер, влюб-

В РОЛИ «АДВОКАТА»

ленный в Чехова, тоже начну прекраснотушничать...

Есть вещи, которые мы не делаем, даже если очень хотим. Каждый из нас не едет в какую-то свою Москву. Иначе не было бы трагедий – личных, государственных, общепланетарных. Воля к победе – прекрасное качество, против любых обстоятельств можно и нужно бороться, что и делают герои Чехова, но преодолеть эти обстоятельства удается далеко не всегда.

Текст – это очень важная вещь, но нельзя любить или не любить человека только за его слова. Иногда мы закрываемся словами. Иногда говорим обратное тому, что в данный момент думаем. Герои Чехова произносят те или иные слова в определенном состоянии, и это позволяет им говорить, на первый взгляд, идиотические вещи. Нельзя не учитывать той экстремы, в которой они существуют.

Единственное, что я не принимаю у Чехова, – это критику в адрес зеленого пояса. Мне безумно нравится цветосочетание салатного с розовым...